ЗА СВОБОДНУЮ РОССИЮ

Выходит с марта 1982

No. 107 **май 2009 г.**

===== СООБЩЕНИЯ МЕСТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НТС НА ВОСТОКЕ США ======

R.Polchaninov, 6 Baxter Ave., New Hyde Park, NY 11040-3909, USA rpolchaninov@verizon.net

РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД В САРАЕВЕ

До 5 сентября 1929 г., пока в Сараеве находился Первый русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус, русские сараевцы могли посещать корпусную домовую церковь, но после отъезда корпуса в Белую Церковь перед русскими встал вопрос создания своего собственного русского прихода.

Русский церковный быт отличался от сербского, мы, русские, например, после всенощной в Великий четверг шли домой с горящими свечами, вызывая недоумение у жителей города любого вероисповедания; Светлую Заутреню служили не утром, как было принято у сербов, а в полночь и русские песнопения отличались от сербских. Рождественские и некоторые другие обычаи тоже отличались от сербских.

Русские были бы рады, если бы нашелся русский священник, и можно было бы создать свой русский православный приход. К нашей великой радости, в Сараево вскоре был назначен в городскую больницу протоиерей Алексей Крыжко (1885-1976), о чем вскоре стало известно русским саревцам. Как мне помнится, уже в 1932 г. был создан русский приход, который для богослужений снял помещение бывшей мастерской на улице Деспича дом No.6.

По данным переписи 1931 г. в Сараеве проживало 616 русских, но в приход записалось не более ста семей, а на богослужениях бывало обычно 60-70 человек.

Про русских можно было сказать, что они были, не только лояльны, но и искренно преданы Югославии, особенно королю Александру. После его трагической гибели, в церкви на пожертвования был установлен большой киот до самого потолка с двумя иконами — св. Александру Невскому, в честь которого был назван король Александр и св. Николаю, в честь которого был назван русский царь-мученик Николай II. Киот был с двумя резными дубовыми колоннами, увенчанными двуглавыми орлами России и Югославии, и вензелями. В 1941 году, когда Босния и Герцеговина были присоединены к НДХ – Независимой Державе Хорватии, Югославянский герб и вензель короля Александра были скрыты за широкой траурной черной тесьмой.

Усташи закрыли все православные храмы Сараева, убили почти всех священников, включая и престарелого Петра — митрополита Дабро-Босанского, а сараевский православный собор передали, как мне говорили, специально для этого приехавшему униатскому священнику. В Сараеве до войны было 15 – 20 семей украинцев-галичан, и к ним раз в месяц приезжал униатский священник — отец Биляк. Так как униатское богослужение мало чем отличалось от православного, то многие сербы не считали за грех ходить на богослужение к «усташскому попу». Большинство сербов и не знало, что «усташский поп», как они его называли, не православный, а униат.

Ни русской церкви, ни русского священника усташи не тронули, так как было соответствующее распоряжение. Слышал, что о. Алексей ходил в лес к четникам совершать богослужения, исповедовать и причащать борцов против нацистов и усташей. Четники были, в основном, сербы-монархисты, хотя в их «четах» (отрядах — ударение на первом стоге) можно было встретить и мусульман, и даже хорватов-католиков. Конечно, об этом ни немцы, ни усташи не знали.

Протоиерей Алексей, как до войны, так и во время войны молился о «христолюбивом воинстве нашем», и ни Гитлера, ни главу усташей Павелича не

поминал. Сперва на это никто из власть имущих не обращал внимания, но положение изменилось после того, как 3 апреля 1942 г. указом «поглавника» (главы государства) Анте Павелича была разрешена Хорватская автокефальная православная церковь. По требованию властей в православных церквах, во время великого входа, стали читать следующую молитву: «О пресветлог Великоименитог Државног Поглавника Нашега Господина Анту со всею палатую его да поменит Господ Бог во Царствии Своем..»

Настоятель русской церкви, поскольку не входил в состав Хорватской автокефальной церкви, не считал обязательным возносить подобную молитву.

У о.Алексея Крыжко были какие-то личные трения с настоятелем православного хорватского прихода в Сараеве о.Б.Поповичем, который 3 июля 1943 г. обратился к коменданту города Сараева с жалобой на о.Алексея:

«Этот приход имеет сведения о том, что в русской православной домовой церкви в Сараеве, во время богослужения не оказывается почет молитвой Главе государства и Митрополиту Хорватской православной церкви, как это предвидено циркуляром Хорватской православной митрополии Но.55/43, которая полностью относится на русскую домовую церковь в Сараеве, по той причине, что она на территории НДХ, и не имеет экстерриториального права, потому, что не относится к категории дипломатических домовых церквей при посольстве. Кроме того, упомянутая домовая церковь не совершает богослужений на государственные праздники, тогда как во время б.Югославии отдавала почести молитвами и королю и Патриарху сербскому, а после создания НДХ, и до сегодняшнего дня не сняла государственный герб, который находился под черной повязкой на иконе в честь короля Александра I Карагеоргиевича. На основании вышесказанного этот приход просит запретить всем военнослужащим в Сараеве ходить в русскую домовую церковь, как церковь, которая не соблюдает законов НДХ, и о вышесказанном прошу уведомить приход» (перевод с хорватского – РВП).

19 июля 1943 г. герб Югославии был удален из русской домовой церкви, но это не остановило Владимира Нащекина снова обратиться с жалобой к хорватским властям на о.Алексея Крыжко. В.Насщекин был одним из тех редких русских, вступивший в организацию усташей и сделавшей там карьеру.

В начале октября 1943 г. о.Алексею Крыжко было сообщено, что он должен поминать во время богослужений и поглавника и хорватского митрополита. Неизвестно подчинился ли о.Алексей этому требованию или нет, но известно, что совершал и дальше богослужения (1).

Из русских сараевцев в Германию уехали считанные единицы. Большинство было уверено, что, после проведенной высадки союзнических сил в Италии, на очереди будет Югославия. Там было все готово: и вооруженная поддержка населения, и аэродромы, и пилоты знакомы с местностью, не раз летавшие вывозить раненых и снабжать партизан оружием. Никто не думал, что Рузвельт, вместо легко осуществимого десанта в Югославию, пошлет на верную смерть тысячи своих солдат штурмовать неприступный Атлантический вал.

Кроме того, многие боялись ехать в Германию из-за бомбардировок союзниками поездов и железнодорожных станций. К тому же, немцы в августе 1944 года разрешили уезжавшим брать с собой только ручной багаж. Моя мать, покинувшая Сараево в это время, написала мне: «Почти все знакомые против моей поездки и говорят, что это безумие». В том же письме она писала, как русский летчик, служивший в хорватской авиации, поехал за женой и сыном в Сараево, как его поезд налетел на мину, как все его вещи пропали, а он, получив ранения, был отправлен в госпиталь. Кроме того, покинуть Сараево было не так просто. Моя мать должна была получить сперва разрешение из Берлина, а затем хорватский паспорт с немецкой визой из Загреба.

По свидетельству Эшрефа Смайовича, местного мусульманина, члена Сараевской дружины русских скаутов-разведчиков, в начале 1946 (или 1947) года группа русских эмигрантов была арестована по требованию СССР и передана в

Белграде представителям советской власти. Все арестованные были отправлены этапом в СССР. По моим сведениям, в эту группу входили только члены НТС и старшие офицерские чины белой армии, в том числе председатель отделения НТС в Сараеве — Донне (кажется, Александр), скончавшийся после отбытия срока в пересыльном лагере Потьма; член НТС Борис Иванович Мартино (скончавшийся в пути), бывший в 1930-х годах председателем русской колонии и отделения РОВС генерал Запольский (тоже скончавшийся в пути), военный юрист, правовед Николай Иванович Чарторыжский; председатель отделения Союза военных инвалидов Буяченко; специалист по борьбе с комарами и, кажется, директор Биологического института Скворцов, арестованный как нужный специалист и работавший по специальности, как заключенный, в Средней Азии; полковник Александр Красильников, который, как мне говорили, служил в царское время в тайной полиции; директор британского рудника пирита и серебра Сергей Арефьев и другие.

Богослужения в русской церкви в Сараеве продолжались и после прихода коммунистов, но уже при меньшем количестве молящихся. В алтаре прислуживали Братья Невструевы — Володя (родился в 1931 году) и Жорж (родился в 1933 году), а также Миша Жуков, а у свечного ящика стояла Оля Огнева.

Русская церковь была закрыта только после ареста настоятеля отца Алексия, вскоре после конфликта между Тито и Сталиным, а ее имущество было передано сербским церковным властям. Киот с иконами Св.кн.Александра Невского и св.Николая был передан русской церкви в Белграде, где и ныне находится.

Был уничтожен и русский участок на военном кладбище. По одним сведениям, коммунисты решили расширить городскую больницу за счет военного кладбища, но В.С. Невструев писал в письме от 30 октября 2001 года, что на месте военного кладбища было построено два здания, в одном из которых разместился строительно-архитектурный (граджевински) факультет. Так или иначе, но русским было предложено перенести останки родных и знакомых далеко за черту города. Там, в отдельной могиле, был похоронен директор кадетского корпуса генерал-лейтенант Б.В. Адамович, в другой, братской, могиле — кадеты, и в третьей, тоже братской, могиле — все прочие русские. Скромный памятник на далекой загородной поляне указывал на место погребения «русской семьи». После этого русских стали хоронить на новом кладбище «Баре», где хоронили всех сараевцев, невзирая на национальную или религиозную принадлежность.

Сперва на русских в Югославии, в том числе и на отца Алексея Крыжко, оказывался нажим, чтобы они принимали советское подданство, а затем, после исключения Югославии в 1948 году из Коминформа, его, регентшу Ксению Петровну Команд, прислужника Петра Соколова, Владимира Ивановича Огнева, отца Оли, стоявшей в церкви у свечного ящика, и еще ряд других арестовали, обвинили в шпионаже в пользу СССР, назвали «шпионско-диверсантской группой» и устроили в ноябре-декабре 1949 года громкий показательный «Сараевский процесс». Протоиерей Алексей Крыжко получил 11 с половиной лет принудительного труда, К.П. Комад — 3 года, П. Соколов — 4 года, бывший капитан царской армии и председатель русской колонии в годы войны В. Огнев — 6 лет, инженер Анатолий Поляков — 10 лет, медик Василий Кострюков — 5 лет, служащий Советского информбюро Илья Владимирович Жеребков — 6 лет, студент юрист Вадим Геслер — 5 лет и студент юрист Георгий Ольшевский — 4 года. С группой русских судили и местного жителя Арсения Боремовича. Он был осужден на 20 лет. Судебное дело против белградского настоятеля отца Владислава Неклюдова было прекращено, так как несчастный, якобы, повесился в камере в ночь с 29 на 30 ноября. Что отец Владислав был священником, в газетах не было сказано, а отец Алексий был назван «бывшим священником в штабе царской и Деникинской белой армии»[(2)].

В «Новом русском слове» от 3 февраля 1956 года говорилось «Прошлой осенью в Югославию приехала первая партия советских туристов. Среди других был в этой группе и молодой инженер-химик из Ленинграда. Узнав, что его отец, протоиерей Алексей Крышко (надо Крыжко — Р.В.П.), осужден на Сараевском процессе на 12 лет (11 с половиной — прим. Р.В.П.), и не имея возможности повидаться с ним, Крышко обратился к советскому посольству в Белграде с просьбой предпринять соответствующие шаги и убедить югославские власти вернуть ему отца, которого он хочет взять с собой в Ленинград. Вмешательство его не осталось без последствий. По указаниям из Москвы, советское посольство обратилось к Югославии с просьбой передать советскому правительству всех советских граждан, находящихся в югославянских тюрьмах и лагерях. Посольство полагало, что советские граждане, о которых оно просило, будут амнистированы и выпущены на свободу, т.е., что их коснется та большая политическая амнистия, которая была дана 29 ноября 1955 года в связи с десятилетием югославянской республики. Но никто выпущен не был. И только 12 января группа эта была выслана в Советский Союз»[3]. С этой группой в СССР уехал и отец Алексий Крыжко, который получил небольшой приход под Ленинградом. Он переписывался со своими бывшими прихожанами, и в 1976 году от него были получены последние письма.

Вопрос об отношении Югославии к русским эмигрантам обсуждался на четвертой сессии генеральной ассамблеи ООН в ноябре 1949 года. Советский министр иностранных дел А.Я. Вышинский обвинил Югославию в том, что она относится к местным русским плохо не из-за того, что они «белоэмигранты», а из-за того, что ныне они искренние приверженцы Дружбы с СССР. Однако советский дипломат не смог ответить на реплику: почему, в таком случае, его правительство не желает этих граждан репатриировать из Югославии[4].

1. Т.Рыбкина-Пушкадия. Русско-православные церкви в Земуне и Сараеве. Рукопись (по-хорватск).

2. «Политика», Белград, 2 и 10 декабря 1949 г. (а также 18, 14, 16 ноября, 3, 4 и 5 декабря 1949 г.)

3. «Новое русское слово», Спектатор: Новая высылка русских эмигрантов из Югославии (От собственного корреспондента Нового Русского Слова), Нью-Йорк, 3 февраля 1956 г.

4. «Политика», Белград, 7 декабря 1949 г.

Считаю своим долгом поблагодарить Алексея Борисовича Арсеньева, Георгия Алексеевича Богатырева, Анну Николаевну Григорьеву (урожденную Вдовкину), ее супруга Юрия Григорьева, Владимира Сергеевича Невструева и Татьяну Витальевну Рыбкину-Пушкадия за помощь в работе над этой статьей.

Р.Полчанинов